

Информация для цитирования:

Васильев Д. В. Мургабское государево имение : трансформация в первые годы Советской власти (1917—1932) / Д. В. Васильев, С. Д. Васильев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 392—411. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-392-411.

Vasilyev, D. V., Vasilyev, S. D. (2025). Murghab Sovereign's Estate: Transformation during Early Years of Soviet Power (1917—1932). *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 392-411. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-392-411. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мургабское государево имение : трансформация в первые годы Советской власти (1917—1932)

Васильев Дмитрий Валентинович ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6616-0646

Scopus Author ID: 57191406759

доктор исторических наук, доцент,

¹ профессор департамента истории;

² ведущий научный сотрудник

dvvasiliev@mail.ru

Васильев Сергей Дмитриевич ³

orcid.org/0000-0001-6126-8981

³ младший научный сотрудник

rokiserg@yandex.ru

¹ Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

² Российская академия предпринимательства (Москва, Россия)

³ Институт Африки Российской академии наук (Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда

№ 24-28-00915,

<https://rscf.ru/project/24-28-00915/>,

реализуемого в Российской академии предпринимательства

Murghab Sovereign's Estate: Transformation during Early Years of Soviet Power (1917—1932)

Dmitry V. Vasilyev ¹

orcid.org/0000-0001-6616-0646

Scopus Author ID: 57191406759

Doctor of History, Associate Professor,

¹ Professor of the Department of History;

² leading research scientist.

dvvasiliev@mail.ru

Sergey D. Vasilyev ²

orcid.org/0000-0001-6126-8981

junior research scientist

rokiserg@yandex.ru

¹ Moscow City University (Moscow, Russia)

² Russian Academy of Entrepreneurship (Moscow, Russia)

³ Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project number 24-28-00915,

<https://rscf.ru/project/24-28-00915/>,

implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование трансформации Мургабского государственного имения в Байрамалийский совхоз и колхозы на территории Мургабского оазиса. Источниками статьи стали местные организационные документы периода Временного правительства и Советской власти, воспоминания участников борьбы за утверждение новой власти в Туркменистане 1917—1935 годов, а также статистические материалы периода первой пятилетки. Показано, что бывшее государевое имение представляло интерес для Временного правительства в контексте продолжения своего функционирования, а Советская власть взялась за его кардинальную трансформацию. Установлено, что в новое время имение было реорганизовано: выделились колхозы, занимавшиеся выращиванием хлопка, и совхоз, который взял на себя продолжение работ по акклиматизации хлопка и других растений, внедрение новых сельскохозяйственных культур, подготовку инженерных кадров и другие агрокультурные функции. Сообщается, что бывшие удельные заводы сохранили ассортимент своей продукции и продолжали обеспечивать текстильные предприятия и внутренний рынок. Сохранились и получили развитие гидротехнические сооружения. Показано, что Мургабское государевое имение трансформировалось при Советской власти в крупный региональный центр производства и первичной переработки хлопка.

Ключевые слова:

Мургабское государевое имение; туркмены; хлопок; хлопководство; совхоз Байрамали; Туркестанская республика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the transformation of the Murghab Sovereign's Estate into the Bayramali state farm and collective farms within the Murghab oasis. The sources for this article include local organizational documents from the period of the Provisional Government and Soviet authority, memoirs of participants in the struggle to establish new power in Turkmenistan from 1917 to 1935, as well as statistical materials from the first Five-Year Plan. It is demonstrated that the former estate was of interest to the Provisional Government in the context of its continued operation, while the Soviet regime undertook its radical transformation. The study establishes that during this new era, the estate was reorganized: collective farms emerged focusing on cotton cultivation, and a state farm assumed responsibilities for continuing the acclimatization of cotton and other crops, introducing new agricultural practices, training engineering personnel, and other agronomic functions. It is reported that former princely factories retained their product range and continued to supply textile enterprises and the domestic market. Hydraulic structures were preserved and further developed. The findings indicate that under Soviet power, the Murghab Sovereign's Estate transformed into a significant regional center for cotton production and primary processing.

Key words:

Murghab Sovereign's Estate; Turkmen; cotton; cotton cultivation; Bayramali state farm; Turkestan Republic.

УДК 94(47).08+94:327(47+55+581)“1889/1912”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-392-411

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Мургабское государево имение: трансформация в первые годы Советской власти (1917—1932)

© Васильев Д. В., Васильев С. Д. 2025

1. Введение = Introduction

Мургабское государево имение просуществовало почти 30 лет в качестве образцового капиталистического агропромышленного предприятия, обеспечивавшего страну стратегически важным сырьем — хлопком. Масштабные гидротехнические сооружения обеспечивали некогда безжизненные поля водой, а там, где она не могла пройти самотеком, вода поднималась на высотные участки нефтяными насосами; собранный хлопок очищался и прессовался на одном заводе; выбитые из кип семена поступали на другой завод; очищенное масло пищевых категорий разливалось на маслорафинадном предприятии; из жмыха формировались брикеты; химическая лаборатория участвовала в производстве мыла. На заводах двигатели внутреннего сгорания были заменены электрическими. Управление технологическими процессами (на заводах, по ирригации) происходило при помощи телефонного сообщения. Аклиматизацией растений занимались на опытном хлопковом поле, в лесных и садовых питомниках. В парке росли диковинные цветы и привозные растения. Служащие и рабочие проживали не только в казармах, но и в многоквартирных домах и небольших многоквартирных усадьбах. Для администрации были отстроены впечатляющие служебные и жилые здания. Не редкостью были водопровод, ванна и канализация. Имелись почтовое отделение, хорошо оборудованная больница, учебные заведения и общественное собрание с большим театральным залом и библиотекой, церковь и мечети. Конечно, не все блага были доступным рядовым рабочим и, тем более, арендаторам имения. Но, следуя логике социально-экономического развития, материальные условия жизни всех категорий населения постепенно улучшались. С 1911 г. имение стало приносить стабильную прибыль, которая пока еще шла на погашение прежде затраченных на него денег. Словом, с возложенными на него задачами заселения Мургабского оазиса и превращения созданного в нем агропромышленного комплекса в прибыльное предприятие государево имение вполне справлялось. И не далек был тот день, когда, согласно воле

императора Александра III, оно стало бы приносить доход в государственную казну. Но 1917 г. принес колоссальные потрясения, которые поставили под вопрос не только идею (замысел), но и сам факт существования государева имения на реке Мургабе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Советские историки мало уделяли внимания Мургабскому государеву имению. А если и писали о нем, то как об одном из элементов «колониальной» эксплуатации [Тихомиров, 1960, с. 194—198] или угнетения трудящихся [Канода, 1991, с. 103—194]. При этом в труде Н. Каноды элементы социально-производственных отношений в имении рассмотрены достаточно подробно.

Отдельные исторические сюжеты, связанные с имением, так или иначе находят отражение в научной литературе [Слезкин, 2015; Настич, 2018; Томилова, 2021]. Есть работы, дающие лишь весьма общую характеристику отдельным сторонам жизни Мургабского имения [Ляпин, 2005; Рахимов, 2024; Hommyuev, 2024; Сердар, 2024].

Среди публикаций последнего времени следует обратить внимание на работы Б. А. Ходжакулиевой, которая вполне заслуженно назвала Мургабское имение полигоном российского капитализма [Ходжакулиева, 2016, с. 71]. Можно только уточнить, что не только полигоном, но и витриной технико-экономических достижений империи в регионе. П. Бешеров и Т. Н. Жуковская в своей статье подчеркнули, что экономическое развитие имения заметно не повлияло на жизнь коренного населения [Бешеров, 2023, с. 224—225]. Кроме того, следует упомянуть работу О. Брусиной и Л. Соловьевой, в которой дана оценка Мургабскому государеву имению с точки зрения использования его опыта Советской властью [Брусина, 2022].

Мургабское государево имение можно рассматривать как социально-экономический феномен периода Российской империи [Васильев, 2025]. Но большинство авторов, обращавшиеся к его истории, недооценивают значения хозяйственно-экономического и научного фундамента Мургабского имения, на базе которого в советское время сложились советское (и не одно) коллективное хозяйство и гидротехническим наследием которого люди в той или иной мере пользуются до сих пор. Ответить на вопрос о направлениях и объеме использования достижений Мургабского государева имения после его ликвидации и призвана настоящая статья.

Ее основными источниками являются управленческие документы периода Временного правительства и Советской власти, статистические материалы и воспоминания участников борьбы за утверждение новой власти в Туркменистане 1917—1935 годов. В отдельных случаях, в части указа-

ния на отдельные эпизоды из истории Мургабского государственного имения, использованы документы дореволюционного времени.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мургабское имение в период Временного правительства

Первые серьезные изменения в жизни Мургабского государственного имения произошли в марте 1917 года, когда было принято постановление Временного правительства, изменившее его статус. С этого времени оно перестало считаться собственностью правящего государя, хотя и государя как такового в России уже не было, а сама она из империи превратилась в республику. Все удельные и находящиеся в ведении удельного ведомства имущества (в число которых входило и Мургабское имение) были объявлены национальной собственностью [РГИА, ф. 515, оп. 69, д. 650, л. 20—20 об.]. Иными словами, Мургабское государственное имение теряло свой исключительный статус [Васильев, 2024]. А вскоре последовало правительственное распоряжение, ликвидировавшее полицейское приставство [РГИА, ф. 515, оп. 81, д. 1691, л. 1], место которого заняли органы милиции, отвечавшие за безопасность в имении вплоть до укрепления власти большевиков. Другим проявлением деятельности новой власти стал перевод начальной (русско-туземной) школы имения в ведение земства [РГИА, ф. 515, оп. 88, д. 1272, л. 275.].

Известно, что вести о февральских событиях 1917 года в Петрограде дошли до Байрамали 4(17) марта. В этот день колокольный звон собрал рабочих и служащих в недавно отстроенной церкви, где о свершившемся кратко сообщил помощник управляющего Зентен. В конце месяца общее собрание населения поселка избрало временный исполнительный комитет из чинов администрации и местной интеллигенции — врачей, агрономов, учителей и служащих имения и заводов — с одним единственным рабочим. Однако рост революционных настроений было не остановить, и 7 (20) апреля новое общее собрание провозгласило создание Союза рабочих и служащих, который постановил занять дом управляющего имением (дворец) под школу, убрать памятник императору Александру III. Однако все эти решения были отменены администрацией [Сборник ..., 1934, с. 44—45].

В апреле 1917 года в Байрамали появилась первая партийная организация — ячейка эсеров. 1 мая состоялась большая демонстрация трудящихся имения, которая вызвала недовольство со стороны его управления. Организованный совет депутатов вызвал из Кушки небольшой отряд, вместе с которым байрамалинские рабочие заняли дворец, снесли памятник государю, распустили прежний исполком и создали новый, в котором большинство мест принадлежало уже рабочим. Большевистские идеи в Мургабское имение занес прибывший из столицы матрос Балтфлота Е. Гераськин. И

хотя он вскоре был выдворен, сторонники большевистских идей закрепились в Байрамали. Социальные новации поначалу не особо приживались в имении. В конце июня было проведено голосование на должность управляющего имением, в котором верх с небольшим перевесом одержал прежний управляющий К. Мейер [Сборник ..., 1934, с. 46—47].

Новой реальностью закаспийской жизни, проявившейся после падения имперского правительства, стал национальный вопрос. Общим хаосом, безудержным ростом демократии и процветанием местных вариантов национализма воспользовались и мервские текинцы. 15 (28) марта 1917 года в Мерве состоялось уездное собрание туркмен, которое постановило учредить в каждом приставстве (административном районе), в том числе и в Байрамали, текинские исполнительные комитеты с представительством в региональном органе власти Временного правительства — Центральном Асхабадском исполнительном комитете. Текинским исполкомам надлежало поручить «попечение о туркменских общественных делах». И ничего предосудительного в этом не было бы. Но пункт 4 этого решения, похожий на ультиматум, гласил: «Признать учреждение волостных управителей бесполезным для дела и вредным для интересов туркменского населения. На ликвидацию дел волостных управителей предоставить администрации месячный срок, считая с 20 сего марта, до коего срока подчиняться законным требованиям указанных управителей» [Подготовка ..., 1954, с. 61]. Этот текст фактически раскрывает намерение туркмен сменить административные полюса на уровне первичной администрации — устранить русский элемент, заменив его национальным туркменским. Само по себе это нельзя было бы рассматривать как нечто несопоставимое с требованиями момента. Но надо отдавать себе отчет, что за документом стояли не рядовые дайхане, а представители родовой знати, вставшей на путь буржуазной трансформации. Поэтому сама по себе идея вовлечения в политическую сферу национального элемента не может подвергаться сомнению. Проблема состояла в стремлении к власти именно родовой буржуазии, которая не имела в виду ни развитие демократических начал, ни межнациональное взаимодействие на пути к этому. Справедливости ради надо заметить, что и русские революционеры не торопились включать туркмен в органы власти и управления. Но они однозначно принимали серьезные меры для улучшения условий труда и жизни коренного большинства.

Как бы то ни было, власть пошла на уступки настроениям коренного населения. 20 марта на места было передано распоряжение туркестанского генерал-губернатора «1) упразднить по желанию населения немедленно волостных управителей; 2) предоставить населению немедленный свободный, без какого-либо вмешательства чинов администрации, выбор стар-

шин, судей; 3) образование мелких туркменских советов в аулах из 10—15 человек уважаемых стариков провести безотлагательно, дабы получить из этих выборных первые ячейки будущего земства и первые общественные организации для сознательного выбора представителей в Учредительное собрание» [Союз ..., 1957, с. 42]. Выходит, что краевая администрация вполне поддерживала тенденции, существовавшие среди коренного населения региона, и сама создавала предпосылки для официального закрепления власти местной родовой и буржуазной аристократии.

Обозначенные идеи получили развитие на областном туркменском съезде, который постановил организовать фактически автономный постоянный областной туркменский комитет в Асхабаде в составе 23 членов. Примечательно, что Мервский уезд с Мургабским имением должны были представлять в нем 10 делегатов. Областной комитет должен был получить целую сеть местных органов туркменской власти — уездные, районные и аульные комитеты. Эти комитеты должны были, с одной стороны, осуществлять контроль над исполнительной властью, а с другой — стать прообразом будущих туркменских земств. Областной комитет должен был вступить «в самое близкое сношение и единение» с областным Советом, что вполне можно рассматривать как привычное для этого времени многовластие (в конкретном случае — троевластие). Что касается принципиального для нас вопроса о судьбе Мургабского имения, то туркменский съезд предложил, «не предрешая вопроса окончательно, ... оставить бывшее Мургабское имение как показное поле с точно определенной площадью засеваемых земель и долголетних культур и с определенным количеством воды, отпускаемой имению из реки Мургаб» [Подготовка ..., 1954, с. 84—85].

Иными словами, имение как единый агропромышленный комплекс, по мнению туркменских представителей, должно было прекратить свое существование. Остается только догадываться, кому должны были достаться все (не только плотины и водохранилища) гидротехнические сооружения и кто и как должен был бы отвечать за поддержание (не только арыков) в рабочем состоянии.

Требования мервского собрания и асхабадского съезда туркмен в отношении Мургабского имения были соединены в заявлении уполномоченных Туркестанскому комитету Временного правительства. К его сокращению до опытного поля и питомников и снижению потребления воды добавилось требование упразднения русских поселков, якобы самовольно¹ захва-

1 Известно, что в государевом имении за нормированным распределением воды следили специальные ирригационные надсмотрщики, а само имение в большей степени было заинтересовано в развитии именно туркменских хозяйств как показывавших большую производительность.

тивавших мургабскую воду в произвольном объеме [Подготовка ..., 1954, с. 91].

Противоречия лета 1917 года не обошли стороной и Байрамали. В конце июля там состоялось внеочередное заседание местного продовольственного комитета, на которое был вынесен единственный вопрос — о составе вновь созданного уездного продовольственного комитета. Выступивший председатель Байрамалинского продкома Я. П. Березин доложил о том, что с разрешения Закаспийского областного продовольственного комитета был учрежден Мервский уездный комитет под председательством уездного комиссара Москаленко, а его членами состояли исключительно туркмены. Ситуация усугублялась тем, что Байрамалинский продком после ликвидации особого статуса имения попадал в ведение уездного. Присутствовавший на заседании член Мервского городского продовольственного комитета объявил, что его организация была лишена права представлять интересы уезда, ограничившись лишь уездным центром, а новый «туземный» уездный комитет уже заявил о начале работы и потребовал присылки ему сведений о продовольственных запасах.

Участники заседания приняли следующее решение: «Ознакомившись с этими сведениями, мы находим, что такая организация уездного продовольственного комитета не только правильна, но никоим образом не может быть допустима, такой комитет мог бы еще обслуживать исключительно туземное население и то при условии правильного избрания комитета и его президиума, а не по самоназначению уездного комиссара; но быть уездным комитетом для всего населения и русского, без участия со стороны такового в избрании его, это является самоуправие лиц, создавших такую организацию, посягательство с их стороны на право революционного народа противно завоеваниям революции и <является> чисто контрреволюционным выпадом...». Участники заседания назвали такой шаг антидемократическим, констатируя, что трудовые туркмены стоят на низкой ступени развития, не в состоянии уяснить текущего момента, что они находятся под влиянием «реакционной туземной буржуазии, баев и мулл» [Революционное ..., 1970, с. 69—70].

Из цитированного документа очевидно несколько моментов. Во-первых, русское меньшинство впервые почувствовало угрозу своему относительному благополучию (во всяком случае, в Байрамали). Традиционно участвуя в распределении благ и определяя повседневность на территории имения, русское меньшинство вдруг напрочь отчуждалось от привычных для него функций и, более того, попадало в зависимость от коренного большинства в самом чувствительном в том время вопросе — продовольственном. Во-вторых, и тут нельзя не согласиться, коренное население Мервско-

го уезда было весьма далеко от идейного наполнения молниеносно трансформировавшейся действительности. И, не исключено, воспринимало революцию и ослабление административного режима как долгожданную возможность хоть отчасти поквитаться с завоевателями. Косвенным подтверждением этому является протуркменская позиция уездного комиссара Москаленко, не допустившего русских представителей в уездный продовольственный комитет. Возможно, он руководствовался своего рода «постколониальными» мотивами. Наконец, в-третьих, русское меньшинство подозревало, что уездный комиссар может попасть в зависимость от туркмен, за спинами которых стояла местная родовая буржуазия, которая не была заинтересована в комплексном решении современных экономических и политических задач. Сложились обстоятельства, когда политически и экономически существенное меньшинство превращалось в меньшинство фактическое. И этому байрамалийские русские пытались помешать.

3.2. Мургабское имение в период становления Советской власти

В ноябре 1917 года в имении узнали о переходе в Петрограде власти в руки Советов во главе с большевиками. Тем не менее 17 января 1918 года общее собрание в Байрамали (до тысячи человек) сформировало из одних эсеров совет в составе секций: гражданско-административной, путей сообщения, торгово-промышленной, финансовой, просвещения и здравоохранения, продовольствия и труда, земледелия и водопользования, военной, почтово-телеграфной [Сборник ..., 1934, с. 47—47].

Постепенно политическая картина в бывшем государевом имении менялась. Попытки приноровить привычную жизнь к меняющимся условиям ушли в прошлое. Победившая в обеих столицах Советская власть пришла и в Закаспийскую область. Байрамалийский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил включить в свой состав туркменских представителей от 13 обществ (селений): они «отныне сливаются с нами воедино для дружной совместной работы по закреплению революции и проведению в жизнь равенства и братства» [Революционное ..., 1970. С. 101].

Следует подчеркнуть не только отличие риторики, но и (с учетом исторической перспективы) принципиальное расхождение в подходах к определению роли коренного населения в формировании будущего как отдельного имения, так и всего субрегиона. Теперь его строительство обьявлялось общим делом, а императивами — равенство и братство, принципиально менявшие социальную структуру во всей стране. Однако рознь между русскими и туркменами, заложенная не без участия туркменской родовой буржуазии вслед за падением империи, продолжала сохраняться. Действовавшая в Байрамали власть раздиралась между текинским уездным исполнительным комитетом и Мервским городским Советом. Причем

последний предпринимал шаги, направленные на привлечение туркмен на свою сторону, а районные комиссары убеждали уездного принять меры к подавлению саботажа текинского исполкома [Революционное ..., 1970, с. 108, 109].

Тогда же как бы и закончилась история Мургабского имения. В соответствии с распоряжением туркестанского Наркомзема исполнительный комитет Байрамалийского совета предписал управляющему передать в распоряжение земельной секции Совета весь земельный фонд имения для распределения нуждающимся [Революционное ..., 1970, с. 108]. Трудно однозначно утверждать, в какой мере это решение было исполнено. В период повсеместного многовластия вряд ли распоряжения новых властей исполнялись незамедлительно. Зато доподлинно известно, что в начале апреля, в период активизации хлопковой посевной кампании, Байрамалийский совет требовал от управления имения не только «немедленно приступить к раздаче земли и поливу таковой согласно списков, ... а также принять самые энергичные меры к том, чтобы технический персонал и вообще лица, касающиеся к этому делу, принимали в нем горячее участие» [Революционное ..., 1970, с. 126].

В конце февраля 1918 года был издан приказ по Туркестанскому краю о национализации Мургабского имения, переводе его в собственность Туркестанского края и перспективе назначения в него комиссара [Подготовка ..., 1954, с. 211]. В тот же день был принят декрет Туркестанского совнаркома о национализации хлопка, а через неделю — декрет о национализации хлопкообрабатывающей промышленности.

Хлопковая промышленность в Туркестане была национализирована в феврале—марте 1918 года, но еще накануне этих важных решений Закаспийская областная продовольственная управа реквизировала и направляла все доступные хлопковые семена на переработку на мургабские заводы [Подготовка ..., 1954, с. 207]. Советскими властями была разработана система организации посевов, хлопкоробам выдавались посевные семена и денежные авансы (практически по аналогии с порядками в бывшем государевом имении). Мервские туркмены жаловались, что Мургабское имение (оно все еще так продолжало называться в документах) забирало слишком большое количество воды, угрожая их посевам гибелью, «и просили представителей рабочих защитить их от несправедливости, чинимой имением» [Революционное ..., 1970, с. 134].

Чрезвычайно важно обратить внимание на использование в советских условиях не только технического, опытного (исследовательского), но и финансово-экономического опыта государева имения. В апреле 1918 года при обсуждении работы в новых условиях представитель Мургабских удель-

ных заводов заявил, что они, «идя навстречу дайханам, открывали в поселках и арендаторских участках в имении кредиты» [Подготовка ..., 1954, с. 231] в счет будущего урожая хлопка, что вполне соответствовало дореволюционной практике. После обмена мнениями этот способ было решено распространить в практику других хлопкообрабатывающих заводов. Забегая вперед, следует отметить, что Советская власть приняла от имперского периода и еще один экономический инструмент — контрактацию. Но если прежде управлением Мургабского государственного имения контрактировался уже очищенный хлопок и хлопковое масло, то советские органы стали заключать более сложные договоры между кооперативными и государственными организациями, с одной стороны, и дайханами, с другой, что превращалось теперь в единый комплекс мероприятий (производство, сбыт, снабжение, кредит) «по развитию производительных сил и преобразованию социальных отношений в деревне» [История ..., 1979, с. 202—203].

После подавления контрреволюционного мятежа в Бухаре Байрамалийский исполком провел модернизацию своего аппарата, для руководства отдельными сферами внутренней жизни был сформирован Совет народных комиссаров во главе с эсером А. И. Панасюком. 10 мая 1918 года исполком постановил упразднить должность комиссара имения, передав его функции соответствующим комиссарам исполнительного комитета.

Летом 1918 года территория бывшего имения была занята белогвардейцами, но уже 19 августа освобождена войсками Советской власти [Революционное ..., 1970, с. 172—173]. И тогда вернувшиеся к власти русско-туркменские советы поставили вопрос об ответственности ханов и баев, выступивших против Советской власти, среди которых, кстати, были Нурберды хан, Курбан Нияз и другие крупные арендаторы бывшего государственного имения. Совет депутатов принял решение предать этих лиц полемому суду, всё их имущество конфисковать и раздать неимущим дехканам (дайханам) и рабочим или национализировать [Там же, с. 174].

В документах того времени находим сведения о том, что в целом Мургабское имение продолжало функционировать в обычном хозяйственном режиме. Для арендаторов, выращивавших зерновые (пшеницу и ячмень), был установлен размер арендной платы — 1/7 часть урожая. Непрерывность сельскохозяйственного производства обеспечивали заведующие полями и служащие ирригации [Там же, с. 175].

Однако осенью 1918 года большевики вынуждены были отступить из Мервского уезда к Чарджую. Полгода потребовались на реорганизацию и подготовку красноармейских частей Закаспийского фронта. 14 мая 1919 года Красная армия перешла в генеральное наступление и 21 мая освободила Байрамали [Карпов, 1940, с. 26, 28].

3.3. Окончательная победа Советской власти и ее отношение к наследию Мургабского имения

Вернувшийся к власти совет потребовал немедленно конфисковать имущество ханов и баев пособников белогвардейцев и «раздать часть, потребную для бедных туркмен, т. е. рабочих этих ханов и баев, а остальную и не портебную им — по описи сдать исполкому» [Революционное ..., 1970, с. 208]. Вскоре Байрамалийский ревком, в который был преобразован местный совет на период восстановления Советской власти, потребовал от подведомственных ему органов власти исполнения законодательства в части передачи земельных участков непосредственно работникам и запрета на использование наемного труда [Революционное ..., 1970, с. 222]. Следующим шагом стало полное преобразование мургабского хозяйства на новых основаниях.

Уже летом 1919 года появилось решение властей о реализации на базе бывшего государева имения «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», принятого ВЦИК 14 февраля того же года. Статья 29 этого закона предписывала создавать советские хозяйства (совхозы) в целях увеличения производительности сельского хозяйства, «создания условий для полного перехода к коммунистическому земледелию» и созданию (развитию) агрокультурных центров [Сборник ..., 1921, с. 64]. Трудно отказать новой власти в рациональности. Признавая наличие в Мургабском оазисе всех условий, Народный комиссариат Туркестанской республики постановил организовать на его территории советское хозяйство.

Следующая статья (с. 30) этого закона дает типологию особо ценных хозяйств, которые следовало преобразовать в совхозы. Мургабское хозяйство подходило под такие категории, как «имения с рациональными хозяйствами», «имения со сложным техническим оборудованием по обработке сельскохозяйственных продуктов», «имение с развитым техническо-промышленным делом», «сельскохозяйственные предприятия и участки земли, имеющие в учебно-показательном, культурно-просветительном или производственном отношении общегосударственное или особо важное местное значение» [Сборник ..., 1921, с. 64], — 4 типологические группы из 6.

При этом рациональный подход советов оказался прагматичнее имперской парадигмы. Новая власть не пожелала взять на себя ответственность за все земли бывшего имения. Это и понятно. В условиях продолжавшейся Гражданской войны было не до колоссальных затрат на орошение новых площадей. Так или иначе, туркестанский Наркомзем во время выездного заседания в Байрамали учредил советское хозяйство на всех орошаемых землях бывшего имения. Судя по всему, главной задачей нового совхоза

было признано продолжение прикладной научной деятельности по растениеводству. Поэтому, следуя прежнему делению, в хозяйстве было решено создать (сохранить) агрономическую (опытное поле и др. — 600 дес.), садоводческую (72 дес.) и лесоводческую (110 дес. с двумя питомниками) части. Усадебную часть оставили под поселком Байрамали, а степную часть отдали собственно под сельскохозяйственное производство. Для работ в агрокультурных подразделениях предполагалось принять наемных работников, а в степной части — организовать сельскохозяйственные артели [Революционное ..., 1970, с. 227].

В отношении формирования артелей Наркомзем разработал небольшую инструкцию. Старых арендаторов был решено оставить на прежних наделах до конца года с тем, чтобы они могли засеять озимые. Одновременно с этим местным властям было предписано вести агитацию по вопросам аграрной политики, «разъясняя преимущества коллективных форм землепользования перед единоличными хозяйствами». Весной 1920 года им надо было предложить вступить в артели. В случае отказа за единоличными пользователями следовало сохранить право земле- и водопользования на прежних основаниях. А уже свободные земли надо было предоставлять «исключительно организованным сельскохозяйственным артелям из местного населения» и оказывать им материальную помощь «в виде денежных ссуд посевного материала и, по возможности, рабочим скотом» [Там же, с. 228].

Упомянутое выше Положение о социалистическом землеустройстве оставляло советские хозяйства в непосредственном ведении Народного комиссариата земледелия (ст. 32). Поэтому и заведование Байрамалийским совхозом было оставлено в руках туркестанского Наркомзема [Там же].

Тогда же получило импульс решение, естественным образом вызревавшее еще в имперский период. В августе 1919 года было объявлено о необходимости открытия в Байрамали сельскохозяйственного училища [Там же, с. 229]. А вскоре получила новое развитие ещё одна идея государева имения. Когда-то в нем было устроено общественное собрание с библиотекой для служащих имения. Летом 1920 года было издано постановление местного ревкома об открытии читален в каждом ауле Байрамалийского совхоза со специальным секретарем, который должен был читать газеты и брошюры вслух всем желающим [Там же, с. 365]. Полное единение большевистского Байрамалийского ревкома и туркменских аульных комитетов произошло летом 1920 года. Вполне однозначно об этом свидетельствует совместное решение ревкома и председателей аульных комитетов о мобилизации туркмен в Красную армию [Союз ..., 1957, с. 369].

Новая власть беспокоилась поддержанием доставшихся ей ирригационных сооружений в исправном состоянии, а потому обращалась даже

к военным с просьбой оставить в распоряжении ирригационного отдела совхоза стратегически важный запас цемента [Революционное ..., 1970, с. 253—254]. Военные же привлекались и для оказания беднейшим байрамалийским арендаторам помощи в уборке зерновых [Там же, с. 382].

В декабре 1920 года ЦИК Туркестанской республики принял декрет «О национализации хлопковой промышленности», который запретил существование хлопковых базаров и все сделки по купле-продаже и хранению хлопка. Все хлопкоочистительные машины и прессы объявлялись государственной собственностью. Запасы хлопка-сырца подлежали сдаче государству по твердым ценам [Там же, с. 437]. Этот декрет был введен в действие незамедлительно (по телеграфу) с тем, чтобы обращение хлопка-сырца в период его сбыта весной 1921 года проходило уже по новым правилам. А в 1923—1925 годах на территории Туркменистана, а соответственно и в бывшем Мургабском имении, была восстановлена прежняя ирригационная система [История ..., 1979, с. 121—122], которая стала основой для дальнейшего развития орошения.

3.4. Мургабский оазис и организация сельскохозяйственного производства в годы первой пятилетки

Известно, что на конец 1928 года на месте бывшего государева имения, кроме Байрамалийского совхоза, существовали два колхоза [Непосредственная ..., 1972, с. 139]. А весной следующего года — уже 16, объединивших 314 хозяйств с хлопковой площадью 784,75 га и 8915 единоличных хозяйств с посевами хлопчатника на 14627,75 га [Там же, с. 292]. На 1 мая 1933 года в Байрамалийском районе насчитывалось уже 94 колхоза, образованных в результате разукрупнения [Победа ..., 1968, с. 437]. Вообще колхозы района в 1934 году вышли на первое место в республике в социалистическом соревновании [Там же, с. 519]. Из всех местных колхозов особо выделялся «Большевик», председатель которого Ага Юсуп Али заявил на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников: «До революции трудящиеся Туркмении не имели ни земли, ни воды, они всю жизнь жили батраками, рабами у кулаков-баев. В настоящее время бывшая отсталая колония, темная и некультурная Туркмения, становится образцовой советской республикой» [Там же, с. 545]. Сегодня известно, что это не совсем так. Мало того, что администрация Мургабского имения в свое время предпринимала серьезные шаги, направленные на повышение уровня жизни (доходов) субарендаторов дайхан. Сами совхоз и местные колхозы выросли из материальной базы имения, включая гидротехнические сооружения, электростанцию и т. п.

Что же касается Байрамалийского совхоза, то имеющиеся сведения на 1932 год свидетельствуют, что он, в принципе, не изменил своей специализации, хотя и развил новые для себя отрасли (пчеловодство и шелко-

водство). В хлопководстве было занято 1451 чел., в шелководстве 337 чел. и в пчеловодстве 56 чел. [Победа ..., 1968, с. 393].

В период активного и, надо признать, героического строительства экономического фундамента социализма свет увидела брошюра П. Г. Скосырева, автора нескольких популярных книг из серии «Наша Родина», посвященных среднеазиатским республикам. Брошюра эта называется «Совхоз Байрамали». В те времена в порядке вещей было едва ли не все достижения человечества приписывать торжеству социалистической идеи. Поэтому не удивительна одиозная интерпретация недавнего прошлого при рассказе об успехах Советской власти в производстве стратегически важного для страны хлопка.

Вот выдержки из описания совхозной усадьбы, ничем не отличающиеся от свидетельств дореволюционных путешественников: «Грузчики на вокзале полуголые и потные — персы, армяне, русские — катят по доскам огромные тюки прессованного хлопка. Около товарных вагонов толчея и спешка. Тонкие трубы заводов, выстроившихся вдоль полотна, дымят деловитой гарью совершенно так же, как в Москве или Туле... Там — в парках, садах или даже просто на улицах — всюду такое буйство зелени, что трудно поверить, будто всего каких-нибудь сорок лет назад на месте этого промышленного и живого городка громоздились песчаные бугры, ветер трепал унылые саксаулы и не было ни одного дерева, ни одной трубы, ни одного жилья. А между тем, это так. На месте цветущего оазиса Байрамали сорок лет назад была пустыня» [Скосырев, 1930, с. 7—8].

Казалось бы, автор прав. Возрождение Мургабского оазиса и его агропромышленное развитие началось с конца 1880-х годов, в период становления в нем государственного имения. Но следующее высказывание Скосырева делало этот период истории невидимым: «Огромный хлопковый совхоз с десятками тысяч гектаров плантаций, с многотысячным населением, со всей промышленностью и научными учреждениями возник среди пустыни из ничего, как только пески получили воду» [Скосырев, 1930, с. 8]. И только мы знаем, что пески получили воду от Гиндукушского и других водохранилищ, сооруженных по распоряжению Департамента уделов. Хотя сам автор и не отрицает, что некогда Байрамали был усадьбой Мургабского государственного имения [Скосырев, 1930, с. 11].

В то же время брошюра П. Скосырева содержит достаточно ценную информацию. Из нее мы узнаем о существовании в Байрамали политехникума, готовившего инженеров-водников и агрономов-хлопководов. Автор очерка подтвердил исправное функционирование дореволюционных заводов и даже, в некоторой степени, ассортимент их продукции. «Хлопковые плантации — колхозные и совхозные — окружают город широкой

полосой с двух сторон. Хлопковое волокно отдирают от семени на заводах хлопкоочистительных. Из ободранных семян жмут масло на маслобойнях. Из хлопкового масла варят мыло на заводе мыловаренном... Хлопковые жмыхи и брикеты идут в пищу скоту, и железнодорожные станции отправляют груз в сторону Каспия и в сторону Ташкента, состоящий главным образом из хлопка или продуктов его переработки» [Скосырев, 1930, с. 14].

Так или иначе, П. Скосырев не мог обойти стороной те достижения, которые были получены в Байрамали в его имперский период: сооружение современных плотин; селекция хлопчатника; борьба с насекомыми-вредителями; акклиматизация декоративных и сельскохозяйственных растений; строительство заводов, мостов, административных и бытовых зданий.

Вскоре после П. Скосырева в Байрамали прибыл известный туркменовед и государственный деятель Г. И. Карпов, который в одном из документов, не касаясь материальных успехов государева имения, охарактеризовал «достижения советского периода: разрушение прежних родоплеменных “группировок” и земельно-водных отношений, предполагавших социально-экономическое неравенство и эксплуатацию бедняков в туркменских аулах, ликвидацию крупного землевладения, проведение земельно-водной реформы и наделение водой и землей десятки тысяч безземельных и малоземельных хозяйств...» [Брусина, 2022]. С этим трудно спорить в части смещения акцентов, вызванных новыми социально-экономическими условиями. Однако доподлинно известно, что удельное ведомство само с 1909 года взяло курс на ликвидацию крупной аренды и специализированную агрокультурную подготовку субарендаторов дайхан к самостоятельному хозяйствованию [РГИА, ф. 515, оп. 81, д. 162, л. 25—25 об.]. Критикуя администрацию имения за несправедливые условия аренды для дайхан, Г. Карпов не обращает внимание на существенное изменение условий аренды в пользу субарендаторов после разного рода ревизий имения в самом конце 1900-х годов. Тем не менее такая интерпретация имперского опыта служит лишь очередным напоминанием о необходимости внимательного отношения к любому историческому источнику, и тем более к такому сложному историческому феномену, как Мургабское государево имение. И далеко не случайно на базе опытного поля и агрономической службы бывшего государева имения уже в первые годы Советской власти появились Йолатанская опытная станция и Байрамалийское опытное поле по хлопководству, Байрамалийское опытное поле сухих субтропиков.

4. Заключение = Conclusions

Предпринятое исследование убеждает в том, что Мургабское государево имение не кануло в вечность с прекращением существования Россий-

ской империи. Советская власть «приняла на баланс» все его гидротехнические и иные сооружения. Не считая возможным воссоздание колоссального агропромышленного комплекса, она разделила орошаемый земельный фонд бывшего имения между несколькими колхозами, занимавшимися выращиванием хлопка, зерновых и производством шелка. Агрономические исследования вместе с опытными плантациями отошли Байрамалийскому совхозу. Бывшие удельные заводы составили отдельный промышленный кластер. На территории имения появилось специальное учебное заведение для подготовки необходимых кадров. Специальное научное учреждение продолжило работу по акклиматизации хлопчатника и борьбе с его вредителями. В других условиях пригодился и организационно-экономический опыт имения. Прежние наработки легли в основу организации взаимодействия между производителями и потребителями сельскохозяйственной продукции, которое, с одной стороны, предоставляло финансовые гарантии хлопкоробам, а с другой — обеспечивало текстильные предприятия хлопком-сырцом. Советской власти удалось решить принципиально важный вопрос, не дававшийся ее предшественникам, — обеспечение всей хозяйственной цепочки местными национальными кадрами. Исходя из принципа экономической целесообразности, можно предположить, что эта потребность рано или поздно встала бы и перед Главным управлением уделов, в оперативном управлении которого состояло Мургабское государственное имение. Так или иначе, следует признать, что новая власть дала новую жизнь наследию Уделов, развивая достижения предшественников на новом уровне и в более широком — региональном — масштабе.

Заявленный вклад авторов: Васильев Д. В. — научное руководство; концепция исследования; отбор и анализ источников; написание текста; итоговые выводы. Васильев С. Д. — анализ источников; доработка текста; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Dmitry V. Vasilyev — scientific management; research concept; selection and analysis of sources; writing the draft; final conclusions. Sergey D. Vasilyev — analysis of sources; follow-on revision of the text; final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *История сельского хозяйства и дайханства Советского Туркменистана*. Кн. 1: 1917—1937 гг. / В. П. Данилов, М. Мошев, Дж. Давлетов и др. — Ашхабад : Ылым, 1979. — 332 с.
2. *Непосредственная подготовка массовой коллективизации сельского хозяйства Туркменской ССР (1927—1929 гг.)*. Т. 1 / сост. Б. М. Коюнлиев и др. — Ашхабад : Ылым, 1972. — 517 с.
3. *Победа колхозного строя в Туркменистане (1930—1937 гг.)*. Т. 2 // под ред. Ш. Ташлиева, С. Какабаева. — Ашхабад : Ылым, 1968. — 647 с.

4. *Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане* / под ред. А. Головкина. — Ашхабад : Туркменгосиздат, 1954. — 304 с.
5. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 515 (Главное управление уделов МИДв). Оп. 69. Д. 650; Оп. 81. Д. 162.; Оп. 81. Д. 1691.
6. *Революционное движение в Туркменистане в 1907—1917 годах* / Сост. Н. Н. Канода. — Ашхабад : Ылым, 1970. — 312 с.
7. *Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917—1920 гг.* — Москва : Госиздат, 1921. — 195 с.
8. *Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркменистане*. Т. 1. Вып. 1. / Под ред. Т. С. Козлова. — Ленинград ; Ашхабад : Туркменский государственный научно-исследовательский институт, 1934. — 73 с.
9. *Скосырев П. Г. Совхоз Байрам-Али: (Хлопковая пятилетка)* / П. Г. Скосырев. — Ленинград : Молодая гвардия, 1930. — 84 с.
10. *Союз рабочего класса и трудового дайханства Туркменистана в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917—1920 гг.)* / Сост. Е. Н. Куприкова. — Ашхабад : издательство Академии наук ТССР, 1957. — 488 с.

Литература

1. *Бешеров П.* Школьная система Закаспийской области 1890-х — 1910-х гг. как отражение политики имперской унификации / П. Бешеров, Т. Н. Жуковская // *Журнал фронтирных исследований*. — 2023. — Т. 8. — № 4 (32). — С. 200—229. — DOI: 10.46539/jfs.v8i4.502.
2. *Брусина О. И.* Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода / О. И. Брусина, Л. Т. Соловьева // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. — 2022. — Т. 13. — Выпуск 10 (120). — С. 76—84. — DOI: 10.18254/S207987840023218-8
3. *Васильев Д. В.* Мургабское государево имение — социально-экономический форпост российской империи в Центральной Азии: экономическая структура / Д. В. Васильев, Н. А. Мазаев // *Журнал фронтирных исследований*. — 2025. — Т. 10. — № 2 (38). — С. 32—48. DOI: 10.46539/jfs.v10i2.647.
4. *Васильев Д. В.* Организация управления Мургабским государевым имением / Д. В. Васильев // *Вестник Томского государственного университета*. — 2024. — № 508. — С. 139—151. DOI: 10.17223/15617793/508/15.
5. *Канода Н. Н.* Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881—1917 гг.) / Н. Н. Канода. — Ашхабад : Ылым, 1991. — 222 с. — ISBN 5-8338-0344-6.
6. *Карпов Г. И.* Гражданская война в Туркмении (1818—1920 гг.). / Г. И. Карпов. — Ашхабад : Туркменпартиздат, 1940. — 36 с.
7. *Ляпин А. А.* Султан-бент и Султан-яб / А. А. Ляпин // *Проблемы истории, филологии, культуры*. — 2005. — № 5. — С. 18—36.
8. *Настич В. Н.* Металлические марки дайханской конторы Мургабского государева имения / В. Н. Настич. // *Ориенталистика*. — 2018. — Т. 1. — № 2. — С. 237—250. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248.
9. *Рахимов Н.* Ирригационные работы в царском имении в Мургабе / Н. Рахимов, Р. Шамурадова // *Академическая публицистика*. — 2024. — № 11. — С. 192—195.
10. *Сердар Д. А.* Мервские ханы (по материалам XIX в.) / Д. А. Сердар // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. — 2024. — Т. 10. — № 2 (38). — С. 85—99. DOI: 10.21684/2411-197X-2024-10-2-85-99.

11. Слезкин А. В. Храм в Мургабском государевом имении: конкурсные проекты и реализация / А. В. Слезкин // Русская усадьба. — 2015. — № 20 (36). — С. 258—287.
12. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России / М. Н. Тихомиров. — Москва : Издательство восточной литературы, 1960. — 239 с.
13. Томилова А. И. К истории строительства храмов в резиденциях императора все-русского Николая II / А. И. Томилова // Культурное наследие России. — 2021. — № 1 (32). С. 38—45. DOI: 10.34685/HI.2021.32.1.005.
14. Ходжакулиева Б. А. Из истории туркмено-российских отношений: экономические преобразования в Закаспийской области / Б. А. Ходжакулиева // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2016. — Т. 4. — № 12. — С. 68—73.
15. Hommyyev T. B. History of dams on the banks of the Murgap river in Turkmenistan / T. B. Hommyyev // Studia Humanitatis. — 2024. — № 1. — С. 2.

Статья поступила в редакцию 03.05.2025,
одобрена после рецензирования 21.08.2025,
подготовлена к публикации 09.09.2025.

Material resources

- Collection of articles and memoirs of participants in the civil war in Turkmenistan, 1 (1).* (1934): Leningrad; Ashgabat: Turkmen State Research Institute. 73 p. (In Russ.).
- Collection of decrees and regulations of the People's Commissariat of Agriculture. 1917—1920.* (1921): Moscow: Gosizdat. 195 p. (In Russ.).
- Danilov, V. P., Moshev, M., Davletov, J. et al. (1979) *History of Agriculture and Peasants of Soviet Turkmenistan, 1: 1917—1937*: Ashgabat: Ylym. 332 p. (In Russ.).
- Kanoda, N. N. (1970) *The revolutionary movement in Turkmenistan in 1907—1917*: Ashgabat: Ylym. 312 p. (In Russ.).
- Koyunliev, B. M. et al. (1972). *Direct Preparation for Mass Collectivization of Agriculture in the Turkmen SSR (1927—1929), 1*: Ashgabat: Ylym. 517 p. (In Russ.).
- Kuprikova, E. N. (1957) *The Union of the Working Class and Labor Daikhanats of Turkmenistan during the Great October Socialist Revolution and Civil War (1917—1920)*: Ashgabat: Publishing House of the Academy of Sciences of the TSSR. 488 p. (In Russ.).
- Preparation and implementation of the Great October Socialist Revolution in Turkmenistan* (1954): Ashgabat: Turkmengosizdat. 304 p. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive* (1691). (In Russ.).
- Skosyrev, P. G. (1930) *Sovkhoz Bayram-Ali: (Cotton Five-Year Plan)*: Leningrad: Molodaya Gvardiya. 84 p. (In Russ.).
- Victory of the Collective Farm System in Turkmenistan (1930—1937), 2* (1968): Ashgabat: Ylym. 647 p. (In Russ.).

References

- Beshеров, P., Zhukovskaya, T. N. (2023) The school system of the Transcaspiian region in the 1890—1910 as a reflection of the policy of imperial unification. *Journal of Frontier Studies*, 8 (4/32): 200—229. DOI: 10.46539/jfs.v8i4.502. 2.
- Brusina, O. I., Solovieva, L. T. (2022) The Murghab sovereign estate in Bayram-Ali based on the materials of G. I. Karpov: anti-colonial criticism of the imperial approach. *Electronic scientific and educational journal "History"*, 13 (10/120): 76—84. DOI: 10.18254/S207987840023218-8 (In Russ.).

- Vasiliev, D. V. Mazaev, N. A. (2025) Murghab sovereign estate — a socio-economic outpost of the Russian empire in Central Asia: economic structure. *Journal of Frontier Research*, 10 (2/38): 32—48. DOI: 10.46539/jfs.v10i2.647. (In Russ.).
- Vasiliev, D. V. (2024) Organization of management of the Murgab sovereign estate. *Bulletin of Tomsk State University*, 508: 139—151. DOI: 10.17223/15617793/508/15. (In Russ.).
- Kanoda, N. N. (1991) *Agrarian Policy of Tsarism in Turkmenistan (1881—1917)*. Ashgabat: Ylym. 222 p. ISBN 5-8338-0344-6. (In Russ.).
- Karpov, G. I. (1940) *Civil War in Turkmenistan (1818—1920)*. Ashgabat: Turkmenpartizdat. 36 p. (In Russ.).
- Lyapin, A. A. (2005) Sultan-bent and Sultan-yab. *Problems of History, Philology, Culture*, 5: 18—36. (In Russ.).
- Nastich, V. N. (2018) Metal stamps of the daikhan office of the Murghab sovereign estate. *Orientalism*, 1 (2): 237—250. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248. (In Russ.).
- Rakhimov, N., Shamuradova, R. (2024) Irrigation works in the royal estate in Murghab. *Academic journalism*, 11: 192—195. (In Russ.).
- Serdar, D. A. (2024) Merv Khans (based on materials from the 19th century). *Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian Research. Humanities*, 10 (2/38): 85—99. DOI: 10.21684/2411-197X-2024-10-2-85-99. (In Russ.).
- Slezkin, A. V. (2015) Temple in the Murghab State Estate: Competition Projects and Implementation. *Russian Estate*, 20 (36): 258—287. (In Russ.).
- Tikhomirov, M. N. (1960) *Annexation of Merv to Russia*. Moscow: Izdatelstvo vostoyanii literatury. 239 p. (In Russ.).
- Tomilova, A. I. (2021) On the history of the construction of temples in the residences of the All-Russian Emperor Nicholas II. *Cultural heritage of Russia*, 1 (32): 38—45. DOI: 10.34685/HI.2021.32.1.005. (In Russ.).
- Khodjakulieva, B. A. (2016) From the history of Turkmen-Russian relations: economic transformations in the Trans-Caspian region. *Economy and management: problems, solutions*, 4 (12): 68—73. (In Russ.).
- Hommyev, T. B. (2024) History of dams on the banks of the Murgap river in Turkmenistan. *Studia Humanitatis*, 1: p. 2.

*The article was submitted 03.05.2025;
approved after reviewing 21.08.2025;
accepted for publication 09.09.2025.*